

В. И. Мусаев

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО ШКОЛЬНОГО ДЕЛА В НЕЗАВИСИМОЙ ФИНЛЯНДИИ (1918–1920-Е ГГ.)

Вопрос об организации системы школьного обучения на русском языке в Финляндии приобретал все большую актуальность по мере увеличения численности русского населения на территории Великого княжества Финляндского в середине — второй половине XIX в. Организация русских школ имела существенное значение для русских людей в Финляндии как средство сохранения своей идентичности, культуры и родного языка на «полуиностранный» территории, в чуждом национальном и конфессиональном окружении. Первые школы с обучением на русском языке на территории Великого княжества появились в так называемой Старой Финляндии (Выборгской губернии). До конца XIX в. русские школы были также открыты в ряде городов в основной части Финляндии, перешедшей под скипетр российского императора после 1809 г.: в Гельсингфорсе (Хельсинки), Або (Турку), Вааса, Таммерфорсе (Тампере), Тавастгусе (Хямеенлинна).

Большое значение расширению сети и поддержке работы русских школ в Финляндии придавал, в период своего нахождения на посту финляндского генерал-губернатора (1898–1904), Н. И. Бобриков, известный как ревностный поборник «русского дела» на финляндской окраине. Вступив в должность, он начал борьбу против одобренного в 1895 г. законопроекта финляндского сената о передаче действовавших в Финляндии русских школ, в которых контингент учащихся состоял не только из детей российских подданных, под надзор Главного школьного управления Финляндии. Позицию Н. И. Бобрикова поддержал министр народного просвещения Н. П. Боголепов. По докладу последнего император 29 января (10 февраля) 1899 г. вернул все русские начальные школы в Финляндии под надзор генерал-губернатора и, через Совецательный комитет при нем, под контроль Министерства народного просвещения¹. Для поддержки школ для русских детей в Финляндии, которых на тот момент

насчитывалось 16, правительство в 1898–1899 учебном году выделило в распоряжение Совецательного комитета сумму в 40 560 марок. При русских школах в Тавастгусе и Таммерфорсе были организованы интернаты².

Еще несколько русских школ было открыто на территории Великого княжества в последующие годы. В частности, в 1906 г., русская народная школа начала работать в поселке Куоккала, одном из основных дачных и курортных центров «Северной Ривьеры»³. Встречались также примеры организации обучения для русских детей на дому. К примеру, в Ганге (Ханко), где не было русской школы, местный православный священник осенью 1905 г. организовал у себя на квартире домашнюю школу, в которой обучались семь детей прихожан⁴. Наиболее крупным русским учебным заведением в Финляндии в период автономии оставалась Александровская мужская гимназия в Гельсингфорсе. В 1913–1914 учебном году в ней работало восемь классов, число учащихся которых составляло 230 человек⁵. В 1913 г. в распоряжение гимназии было предоставлено новое большое здание⁶.

Наличие системы школьного образования на русском языке имело большое значение для поддержания русской идентичности в Финляндии после 1917 г., когда Финляндия стала независимым государством, и в стране целенаправленно принимались меры по искоренению следов русского влияния. Тем более что приток беженцев из России вызывал вопрос об организации обучения для детей из беженских семей. В этом отношении русская диаспора на бывших территориях империи — в Финляндии и Прибалтике — находилась в более благоприятном положении по сравнению с эмигрантами, осевшими в других странах, где не было русских школ. Однако в независимой Финляндии русские школы оказались в сложном положении. В имперский период большинство учебных заведений находились под полным или частичным управлением Министерства народного просвещения, их финансирование производилось через совещательный комитет при финляндском генерал-губернаторе. Часть средств поступала от Русского благотворительного общества. После 1917 г. централизованное финансирование русских школ в Финляндии прекратилось, бывшая имперская собственность была конфискована в пользу Финляндского государства, к тому же, вследствие разрыва торговых связей с Россией и падения курса рубля, материальные трудности стали испытывать прежде процветавшие русские предприниматели, ранее оказывавшие поддержку школам. Все это имело следствием закрытие части русских учебных заведений. В частности, в Хельсинки была закрыта Мариинская женская гимназия, в Выборге — русский женский лицей⁷.

Некоторые старые учебные заведения в тех местах, где имелось многочисленное русское население (прежде всего в Хельсинки, Выборге и на Карельском перешейке) удалось все же сохранить. К их числу относились гимназия и начальная школа в Хельсинки, реальный лицей в Выборге, реальное училище в Терийоки, начальные школы в Терийоки, Кююрёля, Райвола, Лаппеенранте и Хамине. В Хельсинки после закрытия женской гимназии Александровская гимназия была преобразована в Хельсинкский русский лицей с совместным обучением для мальчиков и девочек. В 1930 г. лицей был преобразован в пятилетнюю школу, которая финансировалась на частные средства. Когда по мере усиления притока эмигрантов вопрос об организации школьного обучения стал приобретать все большую остроту, многие родители сами обучали своих детей или основывали небольшие домашние школы. В 1919 г. в поселке Перкъярви на Карельском перешейке на частные средства была открыта гимназия святого Алексея, продолжавшая традиции одноименного учебного заведения в Петрограде. В Келломяки и Куоккала реальные училища были основаны по инициативе приходских советов соответственно в 1920 и 1921 гг. (в Куоккала председателем школьной дирекции был И. Е. Репин)⁸.

В 1920 г. на Карельском перешейке работали 12 русских школ различного уровня, которые существовали на средства церковных общин и частные пожертвования⁹. Всего же в Финляндии в 1922–1923 учебном году, как явствует из доклада председателя «Отдела Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам в Финляндии» К. А. Александрова, действовали шесть средних русских школ и гимназий, семь училищ с программами средней школы и пять начальных школ. Кроме того, на Карельском перешейке в Мустамяки, Халила, Уусикиркко и в деревне Вихола (близ станции Перкъярви), а также в г. Хамине имелись учебные группы, работавшие по смешанным программам. Их существование вызывалось «отдаленностью местностей, в которых они были организованы, от Выборга или Терийоки, с одной стороны, и невозможностью создать более или менее правильно организованную школу за отсутствием средств и преподавателей, с другой»¹⁰. Школы, расположенные в районе Терийоки, и гимназия в Перкъярви по составу учащихся были почти исключительно беженскими. В начальных школах в Кююрёля, Уусикиркко (Новой Деревне) и Парккила (Паркино) преобладали дети из оседлых русских семей. В других учебных заведениях состав учащихся был смешанным (в Выборгском лицее, в частности, число членов беженских семей среди учащихся составляло около 40%). Всего к середине 1923 г. в русских начальных и средних школах в Финляндии обучались до 1500 человек¹¹. Единой системы управления русскими шко-

лами не было. В докладе бюро Земгора педагогическому съезду в Праге в августе 1923 г. отмечалось: «Общего управления школами не существует, и каждое учебное заведение живет самостоятельной жизнью. В некоторых случаях жизнь эта регулируется специально утвержденным финскими властями уставом, в иных случаях хозяином школы являются приходские советы»¹².

Материальное положение русских учебных заведений было сложным. Лишь четыре школы размещались в специально предназначенных для этого зданиях. Большинство других работали в помещениях пустовавших дач, часто летнего типа, ввиду чего в зимнее время в них стояла крайне низкая температура. Далеко не при всех школах имелись общежития, а существовавшие были малы и плохо оборудованы. В общей сложности в них помещались всего 145 человек¹³. Еще одной серьезной проблемой был недостаток учебных пособий. Учебников не хватало: в частности, учебников русского языка и литературы имелось по 4–5 экземпляров на класс, не было хрестоматий. Очень сложно было достать учебники по другим предметам. Из старых учебников некоторые устарели или пришли в ветхость, а новые, изданные уже в эмиграции, нередко вызывали нарекания как «неудовлетворяющие своему назначению». Преподавание некоторых предметов приходилось организовывать по запискам, составлявшимся самими учителями. Также недоставало исторических и географических карт¹⁴. Еще одной проблемой было отсутствие общего учебного плана и единых программ обучения. Большинство школ ориентировались на программы для реальных училищ бывшего имперского Министерства народного просвещения, однако какого-либо общего плана, обязательного для всех школ, не существовало. Вопрос об унификации программ хотя и ставился на повестку дня, но так и не был решен¹⁵. Не было полной ясности и единства мнений по вопросу о том, какой орфографией нужно пользоваться в учебном процессе: старой или новой, принятой в 1918 г. в Советской России. На родительском совещании в Терийокском реальном училище группа родителей подняла вопрос о переходе на новую орфографию. В Выборгском лицее учащимся предоставлялось на выбор: пользоваться старой или новой орфографией (в русских эмигрантских центрах в Европе литература издавалась преимущественно со старой орфографией)¹⁶.

Значительную роль в поддержке русских школ в Финляндии играл Земско-Городской комитет помощи российским гражданам за границей. Земгор начал финансировать беженские школы в Финляндии с весны 1921 г. через бюро своего отдела (позднее — представительство) в Финляндии. За счет поступавших от него средств финансировалось 86% бюджета начальных и 55% бюджета средних школ. Помимо денежных

средств, которые изыскивались не только в Европе, но и в Америке, он поставлял одежду и отпечатанные в эмигрантских центрах Западной Европы учебники. Расходы Земгора на содержание русских школ и интернатов в Финляндии в 1922–1923 учебном году составили 461 972 финских марок, в 1923–1924 году — 527 496,2 марок¹⁷. В 1924–1925 учебном году субсидии через представительство Земгора получали в Финляндии шесть средних учебных заведений (в Выборге, Перкъярви, Райвола, Терийоки, Келломьяки и Куоккала), три начальные школы (в Выборге, Райвола и Терийоки) и две учебные группы (в Мустамьяки и Халила), с общим числом учащихся в 772 человека (592 в средних школах и 180 в начальных школах и учебных группах). Наиболее крупными среди них были Выборгский реальный лицей и Терийокское реальное училище. Кроме того, представительство содержало интернаты при Терийокском училище и Райвольской школе и субсидировало интернат при Перкъярвской гимназии¹⁸. Некоторые учебные заведения обходились без субсидий: гимназия и начальная школа в Хельсинки, начальные школы в г. Лаппеенранта, в Красном Селе (Кююрёля), Новой Деревне (Уусикюля) и Паркино (Парккила), учебная группа в г. Хамина, то есть школы со смешанным составом учащихся или с преобладанием детей из оседлых семей. В них обучались до 445 человек¹⁹. Некоторая помощь продовольствием и одеждой самым малообеспеченным учащимся поступала от финляндского Государственного центра помощи беженцам²⁰.

Распределение средств производилось весьма неравномерно. Так, если Выборгский лицей покрывал за счет средств Земгора лишь 13% своего годового бюджета, Терийокскому реальному училищу Земгор покрывал 80% расходов, а Райвольская школа почти полностью содержалась за его счет. Отчасти это было связано с тем, что некоторые школы имели другие источники финансирования — за счет спонсорской поддержки, средств приходов или взносов (там, где обучение было полностью или частично платным), другие же полностью зависели от помощи Земгора. Иногда, впрочем, это было сопряжено с политическими соображениями. Так, в 1925 г. Земгор перестал снабжать гимназию св. Алексея в Перкъярви, когда было сочтено, что образование там ведется «в духе черного монархизма»²¹. Председатель членов общего собрания членов финляндского представительства Земгора С. Андреевский в письме председателю Русского особого комитета в Финляндии А. В. Карташеву с возмущением писал по этому поводу, что деятельность бюро отдела Земгора ведет к разрушению русской школы в Финляндии: «Достаточно сказать, что, с одной стороны, всеми мерами удушается одна из лучших русских школ — классическая гимназия Святителя Алексея в Перкъярви, с другой — всеми мерами поддерживается реальная гимназия в Терийоки, гордящаяся

тем, что окончившие ее принимаются без экзаменов в высшие учебные заведения Советской России»²². Со своей стороны, работу русских школ контролировал Особый комитет, при котором существовала школьная комиссия²³.

С самого начала серьезную проблему представлял собой недостаток финансирования. Еще в августе-сентябре 1923 г. отдел Земгора в Финляндии сообщал «Объединению русских учительских организаций за границей» и «Педагогическому бюро русской средней и низшей школы за границей» о материальной необеспеченности русских школ в стране. Большинство школ существовали на так называемом «голодном бюджете», часто не имея средств на покупку учебных пособий и других необходимых предметов школьного обихода. В сообщении отдела, в частности, утверждалось: «Русские школы в Финляндии в материальном положении необеспеченны. Они не имеют твердого постоянного бюджета, хотя бы на один учебный год. Ежегодно, перед окончанием учебных занятий, перед школами встает вопрос о том, будут ли они существовать в следующем году»²⁴. Отдел обращал внимание также на неудовлетворительное положение с организацией дошкольного воспитания. Организация детских садов была насущной необходимостью, поскольку, как правило, все члены эмигрантских семей, даже имевшие маленьких детей, вынуждены были работать. Такие попытки предпринимались, однако средств для этого также не хватало²⁵.

Крайне низкой была оплата труда преподавателей: она не превышала 5–6 марок в час. Месячный заработок учителей русских эмигрантских школ, которые сами чаще всего были выходцами из беженской и эмигрантской среды, составлял от 200 до 600 марок, что было ниже прожиточного минимума — 600–700 марок в сельской местности и около 1000 марок в городе (для сравнения: в финских школах учителя получали от 3000 марок и больше)²⁶. Даже заработки эмигрантов, занятых физическим трудом, были заметно выше, не говоря уже о доходах финляндских граждан. Неудивительно, что преподавательский состав русских школ влачил полуголодное существование. «Из произведенных опросов преподавательского состава видно, что никому из них заработка, получаемого в школе, не хватает. Его хватает лишь на то, чтобы не умереть с голода и иметь кров, что же касается трат на одежду, обувь и удовлетворение культурных потребностей, то этих трат учителю беженской школы не приходится делать», — констатировал глава представительства Земгора в Финляндии К. А. Александров²⁷. Чтобы прокормиться и содержать свои семьи, учителям приходилось распродавать свое имущество, прирабатывать частными уроками или физическим трудом, разводить огороды, заниматься заготовками ягод и грибов.

Жилищные условия большинства учителей также были крайне неудовлетворительными: им приходилось жить в основном в бывших дачах, зачастую непригодных для проживания в них в холодное время года и не электрифицированных. Как правило, не имелось средств на приобретение одежды и обуви, покупку книг, журналов, оплату врачебной помощи и поездок даже в Терийоки, не говоря уже о более дальних расстояниях²⁸. Несколько лучшей ситуация была в хельсинкских и Выборгских учебных заведениях и в школах Красносельского прихода. Здесь учителя, которые относились главным образом к кадровым преподавателям бывших имперских учебных заведений и обосновались в Финляндии до 1917 г., получали вполне приличное жалование и жили в хороших квартирах. Так, жалование преподавателей Хельсинкской гимназии составляло от 1500 до 4000 марок в месяц, Выборгского лицея — от 600 до 1800 марок. Однако и их положение, как отмечал К. А. Александров в докладе «Об условиях жизни и работы русского учительства в Финляндии», «по сравнению с тем, что было до 1917 года, значительно ухудшилось», что было связано в первую очередь с заметным ростом цен на недвижимость в финляндских городах. К примеру, в Выборге месячная оплата за меблированную комнату составляла 400–600 марок, за 3-х — 4-х комнатную квартиру — 600–1500 марок²⁹.

К началу 1930-х гг. дальнейшее существование русских школ в Финляндии оказалось под вопросом. И без того скудные средства Земгора начали иссякать, его финансовая помощь прекращалась или сводилась к минимуму. Кроме того, не хватало учебных материалов, ощущался недостаток квалифицированных учительских кадров. Государство принимало участие в материальной поддержке обучения беженцев-«соплеменников» (ингерманландских финнов и олонецких и архангельских карелов), однако русскоязычным эмигрантам оно не уделяло внимания. К тому же местные власти относились к русским школам с недоверием. Начальник Выборгского отделения сысной полиции, например, считал, что местный русский реальный лицей является рассадником русского национализма, и его существование представляет угрозу безопасности Финляндии³⁰. Уже в конце 1920-х гг. стали закрываться начальные малокомплектные школы из-за отсутствия достаточного числа учеников. В 1930-е гг. обучение на русском языке в Финляндии постепенно сворачивалось. К концу десятилетия, после того, как закрылись гимназия св. Алексея в Перкъярви и реальная школа в Терийоки, действующим оставался только реальный лицей в Выборге. Проблема также заключалась в том, что выпускники русскоязычных школ испытывали сложности при поступлении в финляндские высшие учебные заведения из-за слабого владения финским и шведским языками. Уже в начале 1920-х гг. некоторые русские

дети посещали финские или шведские школы. Это были члены семей коренных жителей, имевших финляндское гражданство (дети из смешанных семей в финляндских городах поступали в основном в финские или шведские школы уже в последние годы имперского периода)⁶⁶⁹. Теперь русские родители все чаще отдавали своих детей в школы с другим языком обучения. Популярностью пользовались, в частности, шведские школы в Хельсинки и Выборге и немецкая «Deutsche Vorschule» в Хельсинки. В 1920–1930-е гг. несколько сот эмигрантов выехали из Финляндии на учебу за границу, преимущественно в Эстонию, Бельгию, Францию и Чехословакию³¹. Финский язык к началу 1930-х гг. сделался также преобладающим языком обучения в школе при Валаамском монастыре (где и богослужения все чаще проводились по-фински)³².

Несмотря на относительно краткий период своего функционирования в независимой Финляндии, русские школы сыграли определенную роль, наряду с православными приходами и монастырями, русскими добровольными обществами и культурными объединениями, как инструмент облегчения адаптации русской диаспоры к новой ситуации в условиях инонационального и иноязычного окружения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 161.

² Финляндская газета. 1900. 24 февраля (8 марта).

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2185. Л. 21.

⁴ Там же. Д. 2125. Л. 34 об.

⁵ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 318. Оп. 1. Д. 56. Л. 56.

⁶ *Luntinen P. F. A. Seyn, 1862–1918: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland.* Helsinki, 1985.

⁷ *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 191.

⁸ Там же. С. 192–193.

⁹ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Hels., 2001. P. 190–192.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 8. Л. 101, 157 об.

¹¹ Там же. Л. 157 об.; Д. 11. Л. 240.

¹² Там же. Д. 8. Л. 157 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 12. Л. 159, 238.

- ¹⁵ Там же. Л. 157.
¹⁶ Там же. Л. 237.
¹⁷ Там же. Д. 11. Л. 244.
¹⁸ Там же. Л. 239–240; Д. 12. Л. 234.
¹⁹ Там же. Д. 11. Л. 240.
²⁰ *Невалайнен П.* Изгои. С. 193.
²¹ *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland. P. 193.
²² ГАРФ. Ф. Р-6096. Оп. 1. Д. 22. Л. 25.
²³ Там же. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 12. Л. 206.
²⁴ Там же. Д. 8. Л. 99.
²⁵ Там же. Л. 61.
²⁶ Там же. Л. 99–100.
²⁷ Там же. Л. 100.
²⁸ Там же. Д. 14. Л. 136–138.
²⁹ Там же. Л. 135.
³⁰ *Невалайнен П.* Изгои. С. 195.
³¹ ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 8. Л. 295.
³² *Невалайнен П.* Изгои. С. 194.
³³ *Яровой О. А., Смирнова И. А.* Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии. С. 144.

ЛИТЕРАТУРА

Мусаев В. И. Между Западом и Востоком: Православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е — 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехнич. ун-та, 2014. 546 с.

Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003. 366 с.

Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 319 с.

Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1920 гг. СПб.: Изд. дом «Коло», 2004. 351 с.

Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск: КНИЦ РАН, 1997. 202 с.

Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001. 485 p.

Leinonen M. Helsinki: Die russische Emigration in Finnland // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München: Hirmer Verlag GmbH, 1994. 685 S.

Luntinen P. E. A. Seyn, 1862–1918: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Helsinki: SHS, 1985. 343 p.